

УДК 821.581

DOI: 10.34670/AR.2021.97.56.005

Формы времени в сборнике рассказов «Ляо Чжай чжи и»

Чжан Цзя

Аспирант,
Хэйлунцзянский университет,
150080, Китайская Народная Республика, Харбин, ул. Сюйфу, 74;
e-mail: 1484343198@qq.com

Статья написана в рамках проекта Министерства образования «Исследование текстов китайских романов с точки зрения теории Бахтина» (19JJD750004). Публикация статьи осуществлена при поддержке Аспирантского инновационного исследовательского проекта Хэйлунцзянского университета (YJSCX2020-017HLJU).

Аннотация

Целью работы является исследование личного времени, авантюрного времени и бытового времени в рассказах «Ляо Чжай чжи и». Используя теорию Бахтина, автор анализирует их значение в сюжете и философии, а также проблему человека. Рассказы «Ляо Чжай чжи и» представляют собой истории с запутанным сюжетом и яркими персонажами. Это шедевр классических китайских новелл (Вэй Янь сяо шуо). Это сокровище огромно по содержанию и каждая часть является отдельным рассказом. В сборнике представлены такие формы времени, как авантюрное время («вдруг» (ху), «внезапно» (ху э), «случайно» (оу)) и бытовое время (ночь, праздник Цинмин, праздник Чунъян, праздник Дуанью и т. д.). Они не только выполняют сюжетные функции, но и имеют богатую культурную коннотацию.

Для цитирования в научных исследованиях

Чжан Цзя. Формы времени в сборнике рассказов «Ляо Чжай чжи и» // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 1А. С. 235-245. DOI: 10.34670/AR.2021.97.56.005

Ключевые слова

«Ляо Чжай чжи и», время, сюжет, сезон, ночь.

Введение

Ничто в мире не может превзойти масштабы, являющиеся пределами пространства и времени [Cassirer, 1923-1929]. Изучая простую концепцию пространства-времени, предложенную Аристотелем, концепцию абсолютного пространства-времени, предложенную Ньютоном, и исследования пространства-времени Марксом, можно обнаружить, что вопросы пространства-времени являются популярными темами как в физике, так и в философии. Как сказал Г.Э. Лессинг, символы, используемые в живописи, существуют в пространстве и естественны, в то время как символы, используемые в поэзии, существуют во времени и являются искусственными [Lessing, 2012]. Это типичная форма, связывающая искусство со временем и пространством. Автор более четко разграничивает поэзию и живопись, ломая традиционный европейский взгляд на поэзию и живопись. По мнению Лессинга, живопись может выражать объекты в пространстве, а поэзия может выражать действия во времени. Этот уникальный взгляд на поэзию, а также на время и пространство живописи имеет эпохальное значение. В то же время «литературные произведения пронизаны временными и пространственными представлениями, бесконечно многообразными и глубоко значимыми» [Хализев, 2004, 231]. Что касается времени в произведениях, оно играет важную роль в их структуре. В определенной степени описание времени имеет значение в построении сюжета. Проанализировав историческую поэтику как целостное явление, в работе «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин исследовал характеристики времени и хронотопа от Древней Греции до Рабле и даже произведений Достоевского. Из названия дискуссии Бахтина мы можем заключить, что его интересуют два вопроса – формы времени и хронотоп. В художественном хронотопе пространство и время сливаются и формируют целое: «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Бахтин, 2012, т. 3, 341]. Он заметил, что «жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом, причем в литературе ведущим началом в хронотопе является время» [Там же, 341-342]. При дальнейшем обсуждении Бахтин подчеркивал важное место времени. Из этого очевидно, что он не только поставил время и пространство в одной и той же категории, но и подчеркивал, что это понятие имеет согласованность в содержании и форме, оно не только относится к месту, имеющему значение времени, но и указывает на особое место времени в нем. Можно сказать, что время и пространство в хронотопе Бахтина – это не трансцендентальное существование, а понимание и суждение о ценности людей, которые основаны на реальности и истории, отражаются в романе [Гуань Сяосяо, 2017].

Опираясь на разнообразные формы времени и множественные хронотопы, в рассказах «Ляо Чжай чжи и» автор показывает различные жизни в мире людей, богов, бесов, призраков и лисиц-оборотней. С помощью этих элементов выявляются проблемы в обществе, например уничтожение феодальной социальной системы людьми, ограничение феодального этикета, коррупция в системах государственных экзаменов и т. д. Одновременно формы времени и пространства в «Ляо Чжай чжи и» отрицают богатую культурную коннотацию и философское значение. Поэтому посредством теории Бахтина мы проанализируем три типа времени и постараемся выяснить, какую роль в тексте они играют.

Личное время

По поводу жанровых особенностей «Ляо Чжай чжи и» существуют значительные дискуссии, имеющие длительную историю. Например, такую особенность, как «два жанра в книгах» (Yi shu jian er ti), критиковал Цзи Юнь (Династия Цин) в своем произведении «Заметки из хижины “Великое в Малом”» (Юэвэй цаотан бицзи, Yue wei cao tang bi ji), но именно из-за подобного сочетания двух жанров («Бицзи» и «Чуаньци») более явно выявляются художественные характеристики. Несомненно, что Пу Сунлин полностью заимствовал и унаследовал литературную традицию исторической биографии (Шичуан, shi chuan) и на ее основе соединил литературные воображения [Чжоу, 2020, 47]. Это произведение следует повествовательным методам «Исторических заметок» (Шицзи, shiji), центром повествования являются люди.

В «Ляо Чжай чжи и» более 300 глав называются по имени и фамилии персонажей, некоторые главы по конкретным именам («Цин Фэн» (Qing Feng), «Цзинь Шичэн» (Jin Shicheng), «Не Сяоцян» (Nie Xiaoqian), «Ин Нин» (Ying Ning) и т. д.) или по фамилии с порядком в семье («Ху Сиджэ» (Hu Sijie), «Гэн Шибя» (Geng Shiba), «Синь Шиси Нянь» (Xin Shisiniang) и т. д.), либо без конкретного имени или фамилии, только по содержанию («Бог града» (Bao shen), «Некий» (Mou gong), «Даосский монах» (Dao shi) и т. д.). Поэтому мы считаем, что рассказы «Ляо Чжай чжи и» концентрируются на показании человека в его жизни, т. е. человека в личном времени. Мы также обнаружили, что главный персонаж не полностью основан на заглавии рассказов, а часто существуют такие случаи, что рассказ начинается с представления биографии другого человека, а центральный персонаж появляется позже: «Абао» (A bao) – «Сунь Цзичу, образованный человек из Гуанси, известный ученый» [Пу, 2007, т. 1, 240]; «Ляньсян» (Lian xiang) – «Есть ученый, его фамилия – Сан, его имя – Сяо, и его знак – Цзымин, из Ичжоу, Шаньдун» [Там же, 230]; «Гун Мэнби» (Gong Mengbi) – «Лю Фанхуа, родом из Баодина, провинции Хэбэй, самый богатый человек в городке» [Там же, 405]. В итоге автор причудливо совмещает несколько времен, строит причудливые диалоги и тем самым выражает идеальный портрет и жизненное состояние, помогает хорошим людям и наказывает плохих [Ю, 2006, т. 5, 227]. Следует отметить, что личное время, о котором мы говорим здесь, в основном относится к жизненному пути главного героя рассказов, а другое время – это путь второстепенного персонажа. Например, в рассказе «Ван Люлан» (Wang Liulang) воплощением личного времени и другого времени являются Ван Люлан и рыбак Сюй (Sun sheng). Личное время Ван Люлана демонстрирует заботу о жизни и доброту к другим, а другое время рыбака Сюй – честность в дружбе. В рассказе они совмещаются и показывают драгоценную дружбу между людьми в диалоге.

Характер персонажа зависит от личного времени. Автор часто уделяет внимание характеристикам персонажей, создает живой, удивительный сюжет, чтобы показать характер персонажей [Ван Цзинь, 2019, 206]. Как же обнаруживаются эти характеры? При обсуждении биографической формы, распространенной в Древнем Риме, Бахтин сказал, что «изображать человеческую жизнь и характер должно не путем аналитического перечисления характерологических свойств человека (добродетелей или пороков) и объединения их в твердый образ его, но путем изображения поступков, речей и других проявлений и выражений человека» [Бахтин, 2012, т. 3, 395]. Поступок, речь и другие проявления относятся к личному жизненному пути, т. е. указанное выше – это личное время. С помощью описания личного времени «Ляо Чжай» демонстрирует смелость людей в борьбе с феодальной этикой («Инь Нин» (Yin ning)),

раскрывает непокорность людей перед властью («Чжан Хунцзянь» (Zhang hongjian)), описывает хорошие нравы и дружбу между людьми и лисицами, а также маргинализирует людей («Сяо ще» (Xiao xie)).

В «Ляо Чжай» автор рассматривает персонажей как главный элемент рассказов: он как будто обращает внимание на биографию людей, а на самом деле – на их поступки. Поступок – это личное время и одновременно вся жизнь человека, также это отображение сюжета, потому что сюжет – это «разворачивающийся процесс события» в литературе, он связан с развитием события [Лу, 2016, 166]. Таким образом, персонаж (особенно герой) – это субъект развертывания события; процесс развития его поступка – это не только личное время, но и время сюжета. События, представленные в личном времени, являются частью сюжета, а также становятся важной частью выделения черт персонажа. В определенной степени другое время в рассказах служит личному времени.

Авантюрное время

В китайской классической литературе «Чуаньци» (Chuan qi) авантюрное время существует уже давно. Так, рассказ «Чуаньци» возник из «Чжигуай сяо шуо» (Zhi guai xiao shuo) и украшен словами и приключениями, в нем проявляется необычайность. Хотя с помощью сатиры автор выражает свою тоску, он все же продолжает видеть доброе в человеке. Главная тема «Чуаньци» – это великолепная окраска и ожидание. Рассказ ничем не отличается от новелл, которые в прошлом продвигали теорию призраков и богов. В нем изложены взгляды на причину и следствие, а его сюжет очень интересный [Лу, 1998, 44]. Мы считаем, что упоминаемый «Чуаньци» – это жанр, он показывает новое развитие жанра в династии Тан, а также отражает его особенность – «вымышленное творение». Но в этой работе мы исследуем не жанр «Чуаньци», а удивительное время в новелле, известное как авантюрное время Бахтина, или приключенческое время. С точки зрения исторической поэтики Бахтин анализировал время и пространство на примере широкого круга произведений – от античных романов до романов Достоевского. Стоит отметить, что Бахтин отдельно обсуждал греческий роман как авантюрный роман испытания, авантюрно-бытовой роман, биографию и автобиографию, указал на особенности проявления в нем времени и пространства. По мнению Бахтина, авантюрное время «слагается из ряда коротких отрезков, соответствующих отдельным авантюрам» [Бахтин, 2012, т. 3, 348], причем «эти временные отрезки вводятся и пересекаются специфическими “вдруг” и “как раз”» [Бахтин, 2012, 348]. В таком времени развитие событий осуществляется посредством случайности или внезапности. Случайность или внезапность содержит свою особую логику: «случайное совпадение, т. е. случайная одновременность и случайный разрыв, т. е. случайная разновременность» [Там же]. В авантюрном времени время новеллы влияет на судьбу. «Все моменты бесконечного авантюрного времени управляются одной силой – случаем» [Там же, 351]. Поэтому мы думаем, что авантюрное время – это то же самое, что и случайное время или возможное время. При помощи случайной одновременности и случайного разрыва призраков, бог и злые силы в произведении приходят «вдруг» или «случайно». «Ляо Чжай чжи и» включает в себя более 400 рассказов, в большинстве произведений присутствует авантюрное время. По тексту можно проследить и описать три ярких характерных особенности.

- 1) Авантюрное время имеет сюжетную/сюжетообразующую функцию в тексте. В рассказах очень часто встречаются слова, описывающие время: «вдруг» (ху, hu), «внезапно» (ху э,

hu er), «случайно» (ou, ou), «неожиданно» (бау, bao), «как раз» (ши, shi, shifeng). Они являются неотъемлемой частью развития сюжета новеллы: если появились такие слова, значит, автор акцентирует важность момента. События, которые происходят во время, обозначаемое таким образом, оказывают негативное влияние на последующие события. В «Ляо Чжай» можно выделить три типа авантюрного времени. Первый тип такого времени появляется в начале рассказов. Заметим, что такое время – это не только собственно авантюрное время, оно может обозначать также, например, время встречи по случайности: «Он почувствовал себя внезапно как во сне, и в этот момент мужчина с официальными документами цепко схватил его» («Ду Ун» (Du weng)); «По случайности он был в городе Цзиньхуа, доехал до пригорода Северных ворот, после разгрузки багажа отдыхал в храме» («Чертиха Не Сяоцян» (Nie xiaoqian)). В «Ду Ун» герой в тот момент увидел удивительное и встретил незнакомца, а в «Чертихе Не Сяоцян» произошла неожиданная встреча, герой встретил чертиху Не Сяоцян и полюбил ее. Через авантюрное время автор создал страшную атмосферу для следующих случаев, именно так авантюрное время предшествует встрече персонажей. Потом в рассказе авантюрное время появилось в тексте, когда появились удивительные случаи или время стало ключевой точкой в сюжете: «Вдруг приходит его сосед что-то одолжить, стучит в дверь и его призывает» («Человек в ухе» (Er zhongren)); «Вдруг ломают кожаные сапоги, скрежещет цепь, а потом раздаются шум и громкий спор» («Картина на стене» (Хуа би, Ниа би)). Здесь время уже становится знаком, оно предсказывает будущее развитие событий; более того, оно изображает настроение человека: страх, удивление или хаос в голове. Авантюрное время влияет на судьбу человека, и оно часто появляется в конце рассказа: «Полгода спустя Сун Гуоин выполнял служебные обязанности, внезапно встал и вытаращил глаза» («Чиновник в Лучэне» (Лулин, Lu ling)). Потом герой умер, перед уходом осознав свою ошибку. Как сказал Бахтин, «авантюрное “время случая” есть специфическое время вмешательства иррациональных сил в человеческую жизнь» [Там же]. Здесь время тесно связано с судьбой, но в рассказе смерть – это не случайное время, так как имеет место отражение буддийской идеи Китая, т. е. взгляд на причину и следствие (Yin Guo Guan). В «Чиновник в Лучэне» случайная смерть героя зависит от его жестокого поступка, поэтому мы считаем, что авантюрное время содержит взгляд на причину и следствие.

- 2) В некоторых рассказах времена в начале и в конце смыкаются. Когда Бахтин обсуждал авантюрное время в греческом романе, он указал на то, что «исходная точка сюжетного движения – первая встреча героя и героини и внезапная вспышка их страсти друг к другу; заключающая сюжетное движение точка – их благополучное соединение в браке» [Там же, 346]. Хотя основной сюжет греческого романа – любовь между героем и героиней, «брак в конце романа непосредственно смыкается с любовью героев, вспыхнувшей при первой встрече в начале романа» [Там же]. Именно такое смыкание становится ключом авантюрного времени. Хотя сюжет «Ляй Чжай» отличается от греческого сюжета, в некоторых рассказах существует такое смыкание. Например, в рассказе «Окрашенная кожа» (Хуа Пи, Ниа пи) ученый Ван внезапно встретил даосского монаха, который сказал Вану, что он запутался в злых духах, не заботится об этом и в конце концов покончит с собой. В конце рассказа его жена нашла монаха и, следуя его указаниям, спасла мужа. Из этой истории мы знаем, что в случайности обязательно существует необходимость.

3) В рассказах авантюрное время имеет определенный комплекс времени по мотиву. В бахтинской теории «авантюрное время» существует определенная линия: вина – наказание – искупление – счастье. Такое время необходимо: люди испытывают необходимое наказание после вины, а после наказания они исправляют ошибку, соблюдают определенные законы, живут по-новому и обретают счастье [Лу, 2016, 204]. Такой комплекс времени получил Бахтин на основе «Золотого осла», оно имеет две характеристики: с одной стороны, показывает процесс превращения Лу Цяо (Lu qiao), т. е. течение от ветрености до благородства, а с другой стороны, при таком комплексе времени мы знаем, что люди должны быть наказаны после вины. После этого люди начинают меняться и постепенно обретают счастье. Хотя «Золотой осел» и «Ляо Чжай чжи и» имеют разные содержания, такой комплекс времени аналогичен взгляду на причину и следствие (Инь Го Гуань, Yin Guo Guan). В какой-то степени авантюрное время – это процесс превращения: нехороший человек превратится в хорошего, нехорошее явление превратится в хорошее.

В сборник «Ляо Чжай чжи и» входят разные рассказы, в основном о государственных экзаменах, любви, дружбе, браке и семье. Какое бы препятствие персонажи ни встречали, в конечном итоге они преодолевают трудность и обретают счастье. «Ляо Чжай чжи и» продолжает традицию встречи в китайской литературе. В конце рассказов часто происходят встреча мужа и жены, воссоединение семьи, соединение влюбленной пары. Мужчина женится на двух красавицах, становится богатым; он или его дети получают высшую ученую степень цзиньши; рождаются долгожданные дети. В общем, за добро платят добром, а за зло – злом. Люди обретают счастье, все довольны и рады [Дэн, 2003, 45]. Чтобы подтвердить вышеуказанную версию, ниже мы перечисляем мотив в зависимости от типов рассказов (табл. 1).

Таблица 1 - Мотивы в зависимости от типов рассказов

Тип рассказов	Мотив
Рассказ о государственных экзаменах – «Фан Хунцзянь» (Fang hongjian)	Внезапная встреча – рассуждение о страдании – брак – возвращение домой – снова страдание – снова уход из дома – встреча отца и сына
Рассказ о любви – «Цинфэн» (Qing Feng)	Внезапная встреча с героиней – любовь – разлука – снова встреча – поиск помощи – дружба человек дружится с лисами
Рассказ о дружбе – «Тянь Ци Лан» (Tian Qilang)	Знакомство – дружба – спасение Ци Лан в кризисе – спасение Ци Ланом У Чэнсю – У Чэнсю собрал сына Ци Лан пожертвовать его отцом
Рассказ о семье – «Цзянчэн» (Jiang cheng)	Встреча – вступление в брак – ссоры из-за грубой силы – разъяснение старым монахом буддийского учения – изменение героини – счастье
Рассказ о судебном деле – «Си Фанпин» (Xi Fangping)	Предъявление героем иска в подземном мире – протекция чиновника – вмешательство ямараджи (Янь-ван, царь в подземном мире) – снова встреча с Янь-ваном – внезапная встреча с принцем девятым – повторная подача иска – торжество справедливости

Следовательно, из различных историй, перечисленных выше, мы можем получить всеобщий комплекс времени: встреча / любовь / встреча с трудностями / судебное дело – поиск решения / повторение судебного дела – решение вопроса – встреча / торжество справедливости. Это соответствует ряду Бахтина «вина – наказание – искупление – счастье». Таким образом, через

мотивы в рассказах строится комплекс времени, который отражает особенности даосского и буддийского учений.

Бытовое время

Кроме личного и авантюрного времен, в рассказах существует бытовое время, например ночь и праздник. Как видно из названия, это время является важным для человека. Оно может составлять основу для представления персонажей.

Время-ночь

И западные, и китайские писатели любят ночь. Например, в «Братьях Карамазовых» старый Карамазов умер ночью, в «Мастере и Маргарите» москвичей ночью разыграл дьявол. Конечно, писатели в Китае тоже испытывают особое чувство к темной ночи. В «Ши цзин» (Shi jing) есть много фраз о ночи: «Сейчас? Еще не рассвело. На дворе сияют огонь и свечи» (夜如何其? 夜未央, 庭燎之光). В стихотворениях тоже описываются ночь или луна: «В широкой пустыне густой дым из сигнальной башни поднимался вверх, а на берегу пустой реки Хуанхэ заходящее солнце было круглым и красным» (大漠孤烟直, 长河落日圆); «Я скучаю по тебе днем и ночью, но не могу встречать тебя, а вода из одной реки питает нас» (日日思君不见君, 共饮一江水). Кроме описания в древних стихах, в древних китайских рассказах тоже показывается ночь. С Чжигуай сяошуо (Zhi Guai Xiao Shuo) из шести династий до Чуаньци ночь показывается только отдельно, истории в большинстве рассказов случились днем [Хуан, 2009, 148]. Во многих рассказах династий Мин и Цин действие происходило ночью: «Ночью под луной и лампой на улице темно и сумрачно, легко появляются иллюзии, это основа реальной жизни для формирования историй о лисах и привидениях» [Там же]. Из-за сумрака под лампой и луной, невидимости в темноте и ощущения страха ночью ночное время в Вэньянь сяошуо становится особым символом. Еще в Древнем Китае существовала такая формула: начинать работу с восходом солнца и заканчивать ее на закате. Ночное время наступает с заходом солнца. Поэтому нам кажется, что ночное время в нашей работе включает ночь и вечер.

В «Ляо Чжай» на основе ночи и таких элементов, как свет, огонь и свечи, создан собственный «ночной хронотоп». В рассказах есть разные слова, связанные с темной ночью: «вчера вечером», «на следующий вечер», «вечером», «однажды вечером», «наступил вечер», «третья ночная стража», «закат», а также как «яснеет уже восток», «на дворе уже светло» и т. д. С точки зрения сюжета мы обнаружили, что ночь уже превратилась в конкретный знак. В некоторых рассказах действие началось ночью, а закончилось утром. Главный сюжет развернут в ночной темноте, поэтому ночь тоже становится пространством события. Например, рассказ «Горное чудовище» (Шань Щау, Shan xiao) начался фразой «До вечера было прохладно, и он сидел и отдыхал» и закончился фразой «На заре ученый Сунь боится оставаться в храме, поэтому он поднимает на спину ящик для книг и возвращается домой». В рассказе «Изменение трупа» (Ши Биань, Shi bian) действие тоже началось с сумерками, а закончилось фразой «Уже раздался утренний колокол, чуть брезжило на дворе». А в некоторых рассказах все события произошли ночью. Например, в рассказах «Чау Чжунгуай» (Qiao zhongguai) и «Лиса в Линщане» (Линщань Ху, Ling Xian Hu) действие произошло ночью. Ночь может стать временем новой жизни для главного героя, такое время – тоже время кризиса. Например, в рассказе «Чжан Хунцзян» (Zhang hongjian) главный герой встретил добросердечную фею-лисицу Шуньхуа на

пути к побегу, и именно Шуньхуа ночью помогла ему вернуться домой. Время второго и третьего побега – тоже ночь. Можно сказать, что из-за невидимости ночное время – хороший шанс обретения новой жизни для героя.

Как сказал Бахтин, «время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно зримым» [Бахтин, 2012, т. 3, 341]. Темная ночь в «Ляо Чжай» уже становится художественно видимой сущностью, оказывается уникальным ночным хронотопом, отражает заботу автора об обществе, жизни и стране, представляет собственный характер автора, т. е. рассуждение о призраках и лисах для развлечения, творение под лампой для уничтожения своего недовольства [Ли, 2001, 63].

Время сезона

Народный сезон (Цзэй лин, Jie ling), основанный на «четырёх временах года» (Si shi), имеет древнюю историю. Можно сказать, что народный сезон сильно влияет на классическую беллетристику Китая [Ли, 2004, 21]. Циклический порядок «сезон» и гуманитарная атмосфера фестивалей часто становятся основой строения китайской классической беллетристики. Собственные времена, такие как праздник, обязательно воздействуют на строение текста. Такие времена создают сообщения людей и становятся возможностью для развития сюжета, возбуждения противоречий, раскрытия характера персонажа [Сяо, 2007, 111]. Таким образом, наше внимание к праздникам в романе – это не только размышление о строении текста, но и более глубокое понимание темы и персонажей.

В литературе – от древних мифов до классических романов – сезон, особенно праздник, становится неотъемлемой частью произведения. В «Ляо Чжай» праздники упоминаются в 15 главах, включая праздник Весны, праздник Цинмин, праздник фонарей, праздник Чунъян, праздник Луны, праздник Дуанью. Эти праздники в Китае пользуются популярностью, и они имеют важное значение в сюжете. В рассказах часто встречаются праздник Цинмин и праздник Чунъян. Что касается праздника Цинмин, он исходит из Праздника холодной пищи (Ханьши Цзе, Han shijie). Во время этого праздника люди часто выезжают на природу, чтобы любоваться наступлением весны, и посещают могилы предков. Можно почтить своего друга или возлюбленного, можно просто сжечь ритуальные деньги, необязательно лично посещать могилу [Чэнь, 2015, 58]. С точки зрения значения слово «Цинмин» относится к пейзажу, например ясной погоде, чистой воде и зеленой горе, но оно также может иметь связь с поведением Цзэ Цзитуэй (Jie Zitui), т. е. чистотой и верностью [Ли, 2004, 96]. В праздник Цинмин все просыпается и расцветает, поэтому он соединяется с гуляньем. Прогулка весной – это тоже праздничная деятельность для людей. Можно сказать, праздник Цинмин – это культурный комплекс, который сочетает поминовение усопших с играми. Он не только воплощает традиционную концепцию кровного родства, но и показывает гуманистическую заботу о жизни.

В «Ляо Чжай» существуют разные описания праздника Цинмин. Например, в рассказе «Юй Цзыюу» (Yu Ziyou) посещение могилы с мистической рыбой показывает, что люди помнят к своим предкам. В других главах праздник Цинмин обладает особой сюжетной функцией. Например, в рассказе «Голос в глазах» (Тон жэньюй, Tong ren yu) талантливый ученый Фан Дон перед праздником Цинмин гулял за городом и из-за подсматривания за девушкой ослеп на правый глаз. В рассказе «Лисица Хунью» (Hongyu) женщина Вэй решила посетить могилу в день праздника Цинмин и встретила джентри из деревни, который влюбился в нее и заставил ее вступить в брак, из-за такого поведения семья была разорена. Таким образом, праздник Цинмин является символом неудач, а представление праздника способствует развитию сюжета.

Что касается праздника Чунъян (Праздника двойной девятки, или Праздника двух девяток), это традиционный осенний праздник. Во время этого праздника принято ходить в горы, пить хризантемовое вино, есть пятиякостные пироги, участвовать в выставке хризантем. Восхождение в горы, любованье хризантемами передают надежду людям на прекрасную жизнь, избавление от бедствий и жизненных тягот, мольбу о счастье. Поэтому праздник Чунъян приобретает собственную гуманитарную ценность. Однако уровень познания древних людей ограничен. Перед стихийными и искусственными бедствиями и страданиями люди часто испытывают страх и тревогу. Чтобы избежать этих неприятностей и смерти и молить о долголетьи, в этот день люди создают методы для освобождения от бедствия и несчастья, создавая обычаи [Лу, 2014, 55]. Нетрудно обнаружить, что наряду с Праздником Дуанью обычаи Чунъяна отражают стремление людей к устранению бедствия и мольбе о долголетьи. В рассказах «Устройство пира призраком» (Гуй Цуюань, Gui zuo yan) и «Фэн Саньян» (Feng sanniang) описывается праздник Чунъян. Что бы ни делал наш герой, с точки зрения культурной психологии мы знаем, что праздник в рассказе отражает волю писателя. Например, в рассказе «Устройство пира призраком» (Гуй Цуюань, Gui zuo yan) жену ученого Ду (Du sheng) спас призрак его отца как раз в праздник Чунъян. В рассказе «Фэн Саньян» девушка одиннадцатая (Ши иньян, shi yi niang) скучала по девушке третьей (Саньян, san niang), она страдала из-за болезни. Как раз во время праздника Чунъян она пришла в сад, легла на тюфяк под хризантемой и случайно встретила скучавшую девушку, которая перевернула стену, и девушка одиннадцатая (Ши иньян, shi yi niang) сразу поправилась. Можно сказать, что в этих двух рассказах праздник не только представляет устойчивое культурное значение, т. е. избежание от бедствий, но и является важной точкой времени и переломом судьбы персонажей. Помимо ночного времени, сезона и праздника, в рассказах «Ляо Чжай» существует еще один вид времени – полуденное время, или время послеобеденного сна. Например, в рассказах «Кусание призрака» (Уао гуи) и «Захватка лисицы» (Зуо ху) действие началось в полдень, что имеет важное значение в сюжете.

Заключение

В процессе исследования Бахтин всегда соблюдает линию «время – хронотоп – человек». Как бы ни изменялись содержание и строение, его конечной целью всегда остается человек, который является ценностью современности, существующей в хронотопах Бахтина.

В «Ляо Чжай» существуют как исторические факты, так и вымышленные. Такой иллюзорный мир, в котором живут чудовища и лисицы, в некоторой степени является микрокосмом реального общества того времени. В диалоге личного времени с другим временем автор раскрывает истину, добро и красоту в человеке, а с помощью неожиданности авантюрного времени раскрывается значение характера и судьбы в жизни человека. Сезон, основанный на четырех временах года, и натуральное время делают время пространственностью, и в бытовом времени строится собственный хронотоп.

Библиография

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 3. 880 с.
2. Ван Ц. Жанровое сознание Пу Суньлина с точки зрения названия глав «Ляо Чжай» // Исследования по романам династий Мин и Цин. 2019. № 3.
3. Гуань С. Литературный жанр в поэзии Мо Янь. Пекин, 2017.
4. Дэн Х. О типах историй и счастливом конце в «Ляо Чжай чжи и» // Исследование «Ляо Чжай чжи и». 2003.

5. Ли Г. Анализ ночной тенденции в построении времени в классической китайской новелле (Вэньянь сяошуо) в династиях Мин и Тин // Журнал Педагогического института Линьи. 2001. № 2.
6. Ли Д. Исследование сезона и народных обычаев в классических новеллах. Тяньцзинь, 2004.
7. Лу Ж. Анализ сезона и праздника в «Цзинь Пин Мэй». Шицзячжуан, 2014.
8. Лу С. Краткая история китайских романов. Шанхай, 1998.
9. Лу С. Поэтика времени в искусстве и теория хронотопов Бахтина. Пекин, 2016.
10. Пу С. Ляо Чай чжи и. Пекин, 2007. Т. 1.
11. Сяо Т. Значение гуманизации времени: анализ употребления собственных времен в произведениях Шэнь Цунвэня и Ван Цэнци // Журнал Чанцзянского педагогического института. 2007. № 6.
12. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2004. 404 с.
13. Хуан Л. Теория трехмерного повествования древних китайских романов. Шанхай, 2009.
14. Чжоу Ц. Фон исторической биографии и метод невымышленного повествования «Ляо Чжай чжи и» – новый анализ двух жанров в книгах // Исследование «Ляо Чжай чжи и». 2020.
15. Чэнь П. Описание и повествование Цинмина в романах времен династий Мин и Цин // Научный журнал Ланьчжоу. 2015.
16. Ю Г. История китайской литературы. Пекин, 2006. Т. 5.
17. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen. Berlin, 1923-1929.
18. Lessing G.E. Laokoon oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie. Stuttgart, 2012. 469 S.

The forms of time in the collection of stories *Liaozhai Zhiyi*

Jia Zhang

Postgraduate,
University of Heilongjiang,
150080, 74 Xuefu st., Harbin, People's Republic of China;
e-mail: 1484343198@qq.com

Abstract

The article aims to study such forms of time as personal time, adventurous time and daily life time in the collection of short stories *Liaozhai Zhiyi* (Strange Tales from a Chinese Studio or Strange Stories from a Chinese Studio) by Pu Songling, a Qing dynasty Chinese writer. Using Bakhtin's theory, the author of the article makes an attempt to carry out an analysis of their meanings in the plot and philosophy, and also the problem of man in the stories. The collection of stories *Liaozhai Zhiyi* is one of the greatest classics in China and has always been popular. These are complete stories with an intricate plot and bright characters. The collection is considered to be a masterpiece of classical Chinese novels (Wei Yan xiao shuo). The article points out that this literary treasure is rich in content and each story is independent. Having considered the forms of time in *Liaozhai Zhiyi*, the author comes to the conclusion that the collection is full of such forms of time as adventurous time ("suddenly" (hu), "unexpectedly" (hu e), "accidentally" (ou)) and daily life time (night, the Qingming festival, the Chongyang festival, the Duanwu festival, etc.). These forms of time not only perform plot functions, but also have rich cultural connotations.

For citation

Zhang Jia (2021) Formy vremeni v sbornike рассказов "Lyao Chzhai chzhi i" [The forms of time in the collection of stories *Liaozhai Zhiyi*]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (1A), pp. 235-245. DOI: 10.34670/AR.2021.97.56.005

Keywords

Liaozhai Zhiyi, time, plot, season, night.

References

1. Bakhtin M.M. (2012) *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected works: in 7 vols.], Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
2. Cassirer E. (1923-1929) *Philosophie der symbolischen Formen*. Berlin.
3. Chen P. (2015) Opisanie i povestvovanie Tsinmina v romanakh vremen dinastii Min i Tsin [The description and narration of the Qingming Festival in the novels of the Ming and Qing dynasties]. *Nauchnyi zhurnal Lan'chzhou* [Lanzhou academic journal].
4. Deng H. (2003) O tipakh istorii i schastlivom kontse v "Lyao Chzhai chzhi i" [On the types of stories and happy endings in *Liaozhai Zhiyi*]. In: *Issledovanie "Lyao Chzhai chzhi i"* [Research on *Liaozhai Zhiyi*].
5. Guan X. (2017) *Literaturnyi zhanr v poezii Mo Yan'* [The literary genre in Mo Yan's poetry]. Beijing.
6. Huang L. (2009) *Teoriya trekhmernogo povestvovaniya drevnikh kitaiskikh romanov* [The theory of the three-dimensional narrative of ancient Chinese novels]. Shanghai.
7. Khalizev V.E. (2004) *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
8. Lessing G.E. (2012) *Laokoon oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie*. Stuttgart.
9. Li D. (2004) *Issledovanie sezona i narodnykh obychev v klassicheskikh novellakh* [Research on seasons and folk customs in classic novels]. Tianjin.
10. Li G. (2001) Analiz nochnoi tendentsii v postroenii vremeni v klassicheskoi kitaiskoi novelle (Ven'yan' syaoshuo) v dinastiyakh Min i Tin [Analysis of the nocturnal trend in the construction of time in the classical Chinese novel (Wenyan Xiaoshuo) in the Ming and Ting dynasties]. *Zhurnal Pedagogicheskogo instituta Lin'i* [Journal of Linyi Normal Institute], 2.
11. Lu R. (2014) *Analiz sezona i prazdnika v "Tszin' Pin Mei"* [Analysis of seasons and holidays in *Jin Ping Mei*]. Shijiazhuang.
12. Lu X. (1998) *Kratkaya istoriya kitaiskikh romanov* [A brief history of Chinese novels]. Shanghai.
13. Lu X. (2016) *Poetika vremeni v iskusstve i teoriya khronotopov Bakhtina* [The poetics of time in art and Bakhtin's theory of chronotopes]. Beijing.
14. Pu S. (2007) *Lyao Chai chzhi i* [Strange Stories from a Chinese Studio], Vol. 1. Beijing.
15. Wang J. (2019) Zhanrovoe soznanie Pu Sun'lina s tochki zreniya nazvaniya glav "Lyao Chzhai" [The genre consciousness of Pu Songling from the perspective of the title of the chapters of *Liaozhai*]. *Issledovaniya po romanam dinastii Min i Tsin* [Research on the novels of the Ming and Qing dynasties], 3.
16. Xiao T. (2007) Znachenie gumanizatsii vremeni: analiz upotrebleniya sobstvennykh vremen v proizvedeniyakh Shen' Tsunvenya i Van Tszentsi [The meaning of the humanization of time: an analysis of the use of proper tenses in the works of Shen Congwen and Wang Zengqi]. *Zhurnal Chantszyanskogo pedagogicheskogo instituta* [Journal of Changjiang Normal Institute], 6.
17. You G. (2006) *Istoriya kitaiskoi literatury* [A history of Chinese literature], Vol. 5. Beijing.
18. Zhou Q. (2020) Fon istoricheskoi biografii i metod nevymyshlennogo povestvovaniya "Lyao Chzhai chzhi i" – novyi analiz dvukh zhanrov v knigakh [The background of historical biography and the method of non-fictional narration in *Liaozhai Zhiyi* – a new analysis of two genres in books]. In: *Issledovanie "Lyao Chzhai chzhi i"* [Research on *Liaozhai Zhiyi*].